

И. С. Чичуров

ФЕОФАН — КОМПИАТОР ФЕОФИЛАКТА СИМОКАТТЫ

Перед исследователем, задавшимся целью выяснить, какими свойствами обладает стиль Феофана, использовавшего в своей «Хронографии» сочинения, разнообразные по форме, идейной и политической направленности, возникает целый ряд вопросов: что историк считал необходимым включить в свой труд и что обошел стороной, в чем он точен при передаче текста оригинала и в чем не считает нужным быть точным, в какой степени он зависим от тенденции источника в оценке исторических персонажей и событий, наконец, следует ли компилятор тем средствам выразительности, иначе говоря, стилю, который характерен для его предшественников Прокопия, Иоанна Малалы, Феофилакта Симокатты и др. Вместе с тем встает вопрос и об унифицированности подхода Феофана к источникам. Действительно, что общего, например, в работе хрониста над «Историей войн» Прокопия и «Историей» Симокатты; прослеживается ли единство приемов, система в обработке материала, или об этом говорить не приходится. Не стремясь к окончательному разрешению проблемы в рамках небольшой статьи, ограничимся лишь попыткой охарактеризовать отношение Феофана к стилю оригинала, в данном случае к «Истории» Феофилакта Симокатты.

При сравнении компиляции Феофана с текстом «Истории» сразу же обращает на себя внимание трансформация многословного, не чуждого риторике стиля Феофилакта. Феофана, как видно, не устраивал возвышенный тон повествования Симокатты — историка, которому войны Византии с персами времен императора Маврикия (582—602) напоминали не победы Велисария над персами (события недавнего для Феофилакта прошлого), а борьбу Ганнибала и Сципиона.

Приведем несколько примеров¹. Землетрясение 583 г. в Константинополе Симокатта описывает так: «Вновь произошло на земле природное явление — было сильнейшее землетрясение, как если бы земля поднялась из самих недр»². Далее Феофилакт ссылается на описание землетрясений у Аристотеля³, которое настолько совершенно, по словам историка, что избавляет его от

подробного изложения. Что же мы видим у Феофана? Его не интересуют трактаты знаменитого философа, упоминание о котором он опускает, а весь пассаж Феофилакта резюмируется в трех словах: «Пронзошло сильное землетрясение»⁴. Здесь нет ни аллюзий на античных авторов, ни античной лексики, да и превосходная степень прилагательного («сильнейшее») заменяется на нейтральную положительную.

Продолжая рассказ о землетрясении 583 г., Симокатта говорит, что константинопольцам «всем пришлось из боязни смерти укрыться за священными оградами»⁵, т. е. в церквях. Как и прежде, Феофан отказывается от формы, избранной Феофилактом: хронист ограничивается простым «все бежали в церкви»⁶ — и не более того.

В том же 583 г. Маврикий назначает командующим византийской армией, воюющей с персами, своего зятя Филиппика. «И вот Филиппик, — как сообщает Симокатта, — на следующий год гордо «вонзил копье» в Арзаненскую область и захватил блестящую и достойную упоминания добычу»⁷. «Взяв войско, — пересказывает «Историю» Симокатты Феофан, — Филиппик отправился на персидскую страну и, достигнув Арзанен, овладел большой добычей»⁸. И здесь пристрастие Симокатты к античной лексике не вызывает сочувствия у Феофана: гомеровский оборот, известный по Илиаде (II 11. 571—572, 15. 314—315) — «to dory emperesche», не понят компилятором, либо сочтен неуместным в историческом повествовании.

Примеры такого преобразования стиля многочисленны. Было бы небезынтересно собрать их воедино с тем, чтобы во всей полноте раскрыть работу компилятора над формой оригинала, но для нас важно пока только отметить, что ритмичность Симокатты чужда простоте изложения «Хронографии» Феофана. Обилие деталей, разнообразие сравнений, любование античной лексикой, постоянное обращение к античному прошлому, не утратившему для современника императора Ираклия (610—641) своего значения и привлекательности, пространные речи героев «Истории», построенные по всем правилам риторического искусства, — вот черты, отличающие манеру Феофилакта Симокатты. Заменим эти характеристики на противоположные и получим в результате стиль «Хронографии» Феофана: скудость детализировки, обобщенность изображения, редкие, качественно иные сравнения, нивелирующие конкретность сравниваемого предмета (таковы, например, сравнения с библейскими персонажами), наконец, пренебрежение античными авторами, цитаты из них крайне редки у Феофана. Кстати сказать, отношение хрониста к античному наследию достаточно четко прослеживается при сравнении «Хронографии» и «Истории»: не только цитаты из античных авторов, но и всякое упоминание о знаменитостях греческого и римского мира (будь то Аристотель, Сципион или Ганнибал) элиминируется компилятором.

Несомненно, какие-то потери в передаче стиля неизбежны при

компилировании, не мишовал бы их и Феофан, даже если бы и старался сохранить форму «Истории» Симокатты. Но стремился ли он к этому? Нам кажется, что нет. Эксцерпируя «Историю» войн Прокопия, Феофан сталкивался с той же необходимостью сокращать, что и при работе над «Историей» Феофилакта. Это, однако, не мешало ему воспроизводить источник с такой степенью точности, что отступления от текста оригинала не выходили, как правило, за рамки рукописных разночтений. Поэтому трансформация Феофаном стиля Феофилакта — скорее, результат литературной работы компилятора, нежели желания просто сократить текст.

Феофан последователен в своем отношении к стилю Симокатты, когда передает лишь содержание, но не форму «Истории». И все же один раз хронист отступает от этого правила: речь идет об обращении императора Юстина II (565—578) к кесарю Тиберию. Император, предчувствуя близкую кончину, созывает синклит, патриарха и клир и перед этим высоким собранием произносит речь. Эта речь дословно перенесена Феофаном в «Хронографию». Незначительные отклонения от текста оригинала легко могут быть сведены к вариантам рукописных разночтений. Исключительность этого фрагмента подчеркивается также и тем, что Феофан изменяет здесь своему обыкновению сокращать до минимума речи действующих лиц. Если, например, у Симокатты Филиппик перед сражением с персами обращается к своему войску с пространной речью, занимающей в «Истории» несколько страниц⁹, то Феофан резюмирует ее в одной фразе: Филиппик, собрав войско, спросил, «готово ли оно отправиться на войну»¹⁰. То же самое происходит и с речами героев Прокопия. Чем же, в таком случае, вызвана столь точная передача речи Юстина II? Объясняется это обстоятельство, видимо, тем, что компилятор, придав особенно важное значение словам Юстина II, посчитал необходимым сохранить форму оригинала, а не пересказывать его.

Напомним вкратце содержание этой речи. Обращаясь к своему преемнику Тиберию, император говорит о тех качествах, которыми должен обладать государь¹¹. Он напоминает ему о божественном происхождении его власти, поучает его: василевс должен чтить мать свою, ему свойственно милосердие («Не возрадуйся крови, не будь сопричастен убийству, не воздавай злом за зло») и претит гордыня («Не возгордишься, да не согрешишь»). Подданные — дети и рабы императора, а щедрость в отношении к ним — обязанность василевса («имеющие состояние, да пользуются им, не имеющим же даруй»). Перед нами, таким образом, основные черты облика императора, привлекая к себе внимание компилятора, и, может быть, не лишено основания предположение, что в критике императоров, современных Феофану, традиционные представления об идеале государя, нашедшие свое выражение в «Истории» Симокатты и перенесенные оттуда в «Хронографию», сыграли не последнюю роль.

Итак, работа Феофана-компилятора над источниками не ограничивалась отбором фрагментов по содержанию и соединением их в одно целое, но включала в себя и стилистическую обработку материала, причем наблюдается некоторая закономерность в подходе хрониста к стилю оригинала: манера письма Феофилакта Симокатты не устраивала Феофана, слог Прокопия ему, вероятно, был ближе. Тем больший интерес представляют те фрагменты, воспроизводя которые Феофан отступает от правила стилистической адаптации, ибо отступления такого рода помогают выяснить, на что было обращено прежде всего внимание компилятора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы лишены, к сожалению, возможности сопоставить текст «Истории» и «Хронографии» в греческом оригинале. Ограничиваемся поэтому русским переводом, хотя и понимаем, что он не может дать адекватного представления о стиле.

² *Th. Sim.*, p. 63.20—21. С. П. Кондратьев переводит это место так: «Бедствие постигло землю — страна подверглась страшному землетрясению, как будто поднялись самые недра земли» (см.: *Феофилакт Симокатта*. История. М., 1957, стр. 42). Мы сознательно пожертвовали литературной формой перевода для того, чтобы передать лексику Симокатты: слово «*pathos*», которое С. П. Кондратьев переводит как «бедствие», употребляется Аристотелем (а на него Феофилакт и ссылается) в значении «природное явление» (*Aristt. De mundo*, 4, 29). Кроме того, глагол «*phoitaō*» (у С. П. Кондратьева «постигло») применяется Аристотелем по отношению к явлениям природы. (*Aristt. Meteor.*, I, II, I). Здесь прослеживается явное заимствование лексики древнегреческого философа, не отмеченное, впрочем, в русском переводе.

³ *Th. Sim.*, p. 63. 21—26.

⁴ *Theoph. Chron.*, v. 1, p. 252. 29.

⁵ *Th. Sim.*, p. 64. 3—4.

⁶ *Theoph. Chron.*, v. 1, p. 252. 30.

⁷ *Th. Sim.*, p. 66. 10—12. Заметим опять-таки, что в русском переводе не передается гомеровская цитата (см.: *Феофилакт Симокатта*. История, стр. 43).

⁸ *Theoph. Chron.*, 1, p. 254. 15—17.

⁹ *Th. Sim.*, p. 68. 12—69. 21.

¹⁰ *Theoph. Chron.*, 1, p. 254. 29.

¹¹ *Th. Sim.*, p. 132. 27—133. 1—17, 20—22, cf.: *Theoph. Chron.*, 1, p. 248. 18—249. 1—3, 6—8.